

«ИССЛЕДОВАНИЕ СИДЯЧЕГО ПОГРЕБЕНИЯ РАДИМИЧАНКИ В КУРГАННОМ НЕКРОПОЛЕ У Д. СТУДЁНКА БЫХОВСКОГО РАЙОНА»

Летом 2014 года археологической экспедицией Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством автора настоящей статьи были осуществлены раскопки в курганной группе у деревни Студёнка Быховского района. В настоящее время указанный некрополь насчитывает 107 насыпей* Могильник ранее не изучался.

Для исследования мною был выбран курган № 58 (согласно нумерации В.Ф. Копытина). Насыпь располагалась в северо-восточной части могильника, имела оплывшие западную и южную стороны. Высота кургана составляла 2 м и имела размеры основания 13,16 м по линии С-Ю и 11,57 м по линии В-З.

Насыпь состояла из песка светло- и тёмно-жёлтого цветов. При снятии первого пласта и разработке второго во всех секторах начали встречаться вкрапления угля, который продолжал фиксироваться до выхода на нижний зольник. В центре насыпи, на глубине 0,7 м от дневной поверхности находился череп и лучевые кости скелета. Лицевая часть была обращена на юг с некоторым отклонением к западу. Южнее и ниже черепа находились рёберные кости и позвонки. При дальнейшей расчистке погребения были обнаружены кости таза, которые находились на 0,7 м ниже черепа. Кости ног зафиксированы на нижнем зольнике. Они располагались южнее таза и не сохранили полного анатомического порядка. Описанное положение костей скелета позволяет заключить, что погребение было совершено в сидячем положении. Ориентировка черепа указывает на расположение тела спиной к северу. Это же вывод подтверждает положение костей ног относительно таза. Нарушенное анатомическое положение бедренных и берцовых костей может являться следствием согнутого состояния ног при погребении.

При костяке были обнаружены 10 рыбовидных подвесок, две из которых отличались нестандартной формой – имели фигурные бока, 4 плитчатые со срезанными углами сердечковидные бусины, 1 золочёная бочковидная бусина, рубленый бисер жёлтого цвета, 1 браслетообразное с

*Значительное число которых – более половины, имеют повреждения различной степени. Основной вред данному памятнику археологии нанесён варварскими кладодискательскими «колодцами». Так же, со слов местных жителей, известно, что при строительстве животноводческой фермы курганные насыпи служили удобным источником для забора песка. Следы разрушения таким образом курганов нами зафиксированы. Следует отметить, что ферма, построенная с использованием могильного песка, в настоящее время не функционирует, находится в заброшенном состоянии. Ирония судьбы?

заходящими концами височное кольцо, 1 простой пластинчатый перстень с сомкнутыми концами и 1 железный нож в ножнах, располагавшийся у тазовых костей. При исследовании песчаной подсыпки в западной стороне от погребения был обнаружен профиль гончарного горшка

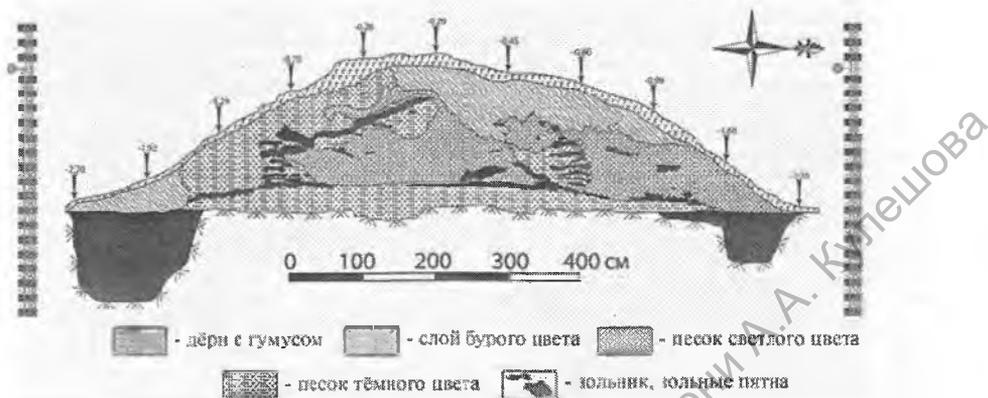

Рис. 1. Профиль кургана № 58 по линии север-юг.

Большое количество углей и фрагментов обгоревшего дерева указывают на наличие деревянной конструкции. Более надёжным тому подтверждением служит стратиграфическая характеристика самой насыпи. На профилях кургана чётко прослеживается нижний зольник, проходящий ровной линией от центра насыпи к её окраинам. Далее он упирается в горизонтальные зольные прослойки шириной до 0,3 м, которые поднимаются вверх на высоту 0,7 - 0,8 м. Зафиксированные зольные прослойки являются остатками сгоревших стен деревянного сооружения. Расстояние между северной и южной, а также западной и восточной стенами составило 4,3 м. Исходя из размеров зольных очертаний следует, что деревянная конструкция сооружалась из плах толщиной 0,07 - 0,09 м и шириной 0,28 - 0,3 м. При расчистке костяка, непосредственно у нижнего зольника находились обгоревшие фрагменты дерева, которые указывают на наличие дощатого пола или настила. Строение также имело крышу. Стратиграфические её очертания (нисходящая от центра насыпи линия зольного слоя до очертания стен) особенно чётко зафиксированы на профиле по линии С-Ю. Под нижним зольником находилась песчаная подсыпка мощностью 0,5 м.

Такая характеристика профилей и нахождение костных останков позволяют следующим образом реконструировать погребальный обряд кургана № 58*. На выбранном месте будущего захоронения была произведена песчаная подсыпка высотой 0,5 м. Далее из плах указанных размеров на подсыпке была сооружена погребальная конструкция – теремок, с дощатым полом (настилом). Размеры постройки составили 4,3 x 4,3 м при её высоте 1,2 - 1,25 м. В данном теремке было помещено тело женщины в сидячем положении спиной к северу. Предположительно после этого над постройкой возвели крышу. Находка профиля горшка у западной стены постройки может указывать на совершение ритуального разрушения сосуда в качестве элемента погребальной обрядности. Далее «домик мёртвых» предали огню и возвели насыпь. С северной и южной сторон кургана выявлены ровники глубиной более 1 м. Следует предположить, что песок для подсыпки брался именно отсюда. После этого в ровниках были разведены ритуальные костры, как часть погребальной обрядности. На это указывает нахождение углей в их заполнении.

Инвентарь кургана типичен для погребений радимичей. Весьма характерными с этнической точки зрения являются рыбовидные или язычковые подвески, датируемые преимущественно XI столетием, к

* Я благодарен своему научному руководителю д.и.н., профессору И.А. Марзалюку за ряд ценных профессиональных консультаций по вопросам настоящего исследования.

этому же времени относится простой пластинчатый перстень с сомкнутыми концами [13, с.23]. Сердоликовые плитчатые со срезанными углами бусины бытовали на территории Верхнего течения Днепра с конца X и весь XI век [13, с.20]. Золочёные бочковидные бусины были распространены в Могилёвском Поднепровье в конце X – начале XII века [13, с.20]. Браслетообразные с заходящими концами височные кольца на исследуемой территории обнаружены в погребениях конца X – начала XII столетия [13, с.18]. Основная масса жёлтого пастового рубленного бисера приходится на конец X – первую половину XI столетия [17, с.173]. Профилировка венца горшка характерна для сосудов XI века.

Исходя из указанных хронологических рамок бытования сопровождающего инвентаря, погребение радимичанки в кургане № 58 могильника Студёнка могло быть совершено в конце X – XI столетия. С устных замечаний к.и.н. А.В. Войтеховича, сочетание украшений в погребальном инвентаре позволяет сузить датировку погребения серединой XI века*.

Рис. 2. Предполагаемая реконструкция погребального обряда кургана № 58 могильника Студёнка (рис. Е.В. Кузиной)

На территории современной Могилёвской области погребения в теремках известны в 13 курганных могильниках. Их картографирование показывает использование данного элемента в погребальной обрядности преимущественно на правобережье

Днепра и в бассейне Березины. Захоронения в сидячем положении на территории указанного региона обнаружены не менее чем в пяти

некрополях и в трёх из них умершие находились в теремках (Новый Быхов, Зьсымоны, Студёнка). В курганной группе Лудчицы сидячее погребение женщины 25 - 30 лет располагалось на доске† [12, с.186-187]. Общее количество «сидячих» костяков в курганах исследуемого региона - 9 (Лудчицы-1, Дымово-1, Новый Быхов-3, Зьсымоны-3, Студёнка-1). Из указанного числа пять достоверно являются женскими, из которых в двух погребениях обнаружены «этнические маркеры» (Студёнка и Зьсымоны).

Относительно такого явления как сидячее положение в погребальной обрядности восточных славян существует несколько точек зрения. По моему мнению, наиболее обоснованной, относительно генезиса исследуемой обрядности, является позиция Ю.М. Лесмана. Исследователь в своих ранних работах указывал на распространённость камерных сидячих погребений в Скандинавии, но при этом отрицал их связь с подобными захоронениями Северной Руси [5, с.55]. Однако, впоследствии, Ю.М. Лесман существенно скорректировал свою гипотезу. Согласно ей, в X веке традиция погребения умерших сидя, проникает на территорию Восточной Европы вместе со скандинавами [6, с.80]. При стремлении к подражанию элитарной воинской культуре, на Руси происходит рецепция данного типа погребального обряда со стороны местных верхов общества. В XI столетии, воспринявшие погребения, сидя в качестве одного из показателей своего доминирования в обществе, представители власти приносят данную традицию в сельскую среду [4, с.180-183].

В погребальных памятниках X – XI вв. Южной Руси камерные захоронения представлены значительной серией. Среди них также встречены сидячие погребения, которые имеют особое значение для настоящего исследования. Камерное парное погребение № 111 из Киева, в котором скелет женщины находился в сидячем положении, по мнению киевского археолога А.П. Моци могло являться скандинавским, как и камерные сидячие погребения в курганах № 42 и 110 Шестовицкого некрополя [10, с.115, 119]. Среди курганных захоронений в Гнёздово известно несколько десятков

* Благодаря заведующего отделом сохранения и использования археологического наследия ИИ НАН к.и.н. А.В. Войтеховича за любезные консультации и помощь в поиске литературы.

† Выражаю слова глубокой признательности д.и.н. профессору Я.Г. Риера за предоставленную возможность работы с отчётами археологических раскопок

камерных захоронений. В пяти женских погребениях костяки располагались в сидячем положении, что является характерной чертой камерных погребений Бирки [2, с.208]. Статус камерных погребений подтверждается исследованиями в Хеннинкире, Еллинге и Маммен, в которых были похоронены представители королевской семьи и члены знатных датских фамилий [8, с.151].

Рис.3. Погребальный инвентарь кургана № 58.

1- подвески; 2- перстень; 3-4- бусины; 5- весочное кольцо; 6- профиль горшка; 7- нож.

сопровождали верховой конь, щит, меч, стрелы, «шумящая» плеть, ведро и сундук. Одежда погребённого была расшита золотой нитью [8, с.156]. Приведённые примеры и аналогии красноречиво доказывают скандинавское происхождение сидячих погребений и указывают на их высокое положение в обществе.

Нет никаких оснований для причисления сидячих погребений Могилёвского Поднепровья к числу древностей скандинавского круга. Однако в конце XIX столетия в некрополе у д. Лудчицы, ещё до открытия здесь Я.Г. Рьером женского захоронения в сидячем положении, была обнаружена фигурка «скифа»* с кольцом в правой руке и мечом у пояса [16, с.LXXVI]. Минский археолог Ю.А. Заяц отмечал характерное для скандинава одеяние фигурки человечка. Исследователь высказал вероятность отождествления данного изображения с конунгом Олафом - «дарителем колец» [3, с.31]. Таким образом, указанный артефакт может свидетельствовать о связи населения быховского микрорегиона с носителями культурных традиций Скандинавии, и, возможно, связи не только сугубо экономической.

При рассмотрении «элитарности» того или иного погребения, внимание исследователей часто заостряется на представительности сопровождающего инвентаря. Однако, как показывают последние исследования, многочисленный погребальный инвентарь в ряде случаев может напротив, отражать низкое или даже подчинённое положение в обществе. К таким выводам пришла А.А. Тодорова на основании изучения бусин из дружинных некрополей Гнёздово, Шестовица, Тимерево и Киева. Анализ бусин в погребениях позволил заключить исследовательнице, что женщины, имевшие высокое положение в обществе не носили ожерелий из большого количества недорогих однотипных бус. Они

* Под указанным названием данный артефакт фигурирует в публикациях автора раскопок - С.Ю. Чоловского.

предпочитали комбинированные ожерелья из каменных и стеклянных экземпляров [15]. Следует отметить, что в состав ожерелья изученного мною женского погребения входили 4 бусины из сердолика (каменная порода), одна стеклянная золочёная бусина и жёлтый пастовый бисер.

В этой связи отдельно следует выделить сидячее погребение кургана № 2 у Нового Быхова. При женском костяке находились фрагменты шёлковой материи с зелёными окислами бронзового изделия, два неспяянных бронзовых перстня и колечко, а также различного рода бусы (коралловые, сердоликовые, стеклянные золото- и серебростеклянные, фрагменты стеклянного браслета) [14, с. 7]. Следует заметить, что стеклянные браслеты являлись элементом женского городского костюма в древнерусский период [18, с. 86]. Шёлковые ткани могли быть исключительно привезены из Византии или Ирана [9, с.21], также как украшения из коралла, вероятнее всего, происходят из Западного Средиземноморья [11, с.381]. Указанные предметы импорта могли быть доступны, преимущественно, представителям элиты общества и являются маркером высокого статуса погребённых с подобными артефактами.

Ответ на вопрос о соотношении камерных погребений и бедного сопровождающего инвентаря в них был предложен К.А. Михайловым. Согласно исследователю, к элите в обществе относилась вся группа носителей данной обрядности, однако достаток отдельных её членов мог разительно отличаться [9, с.22]. Таким образом, если предложенная гипотеза верна, то камерные погребения, прежде всего, являются показателем высокого социального положения умершего, в то время как сопровождающий инвентарь отражает лишь его благосостояние.

Не противоречит высказанной точке зрения и замечание Ю.М. Лесмана, согласно которому в большинстве регионов Руси данная традиция принимает маргинальный характер. Примером этого, по мнению учёного, служат сидячие погребения могильника у д. Эсьмоны [4, с.183].

Другим показателем социального статуса, могут являться размеры погребальной конструкции. В научной литературе отмечается, что срубы больших размеров относятся к категории наземных погребальных камер. В частности сруб с кремацией, обнаруженный в могильнике у п. Озерцо (Минский р-н) имел размеры 5,0 x 4,8 м при высоте 1 м. По мнению А.В. Войтеховича и С.Д. Дерновича, такие размеры следует считать признаком элитарности погребения, на это указывает и обнаруженная в погребении накладка от наборного пояса [1, с.304]. На территории изучаемого региона в доревлюционное время размеры погребальных сооружений зафиксированы Е.Р. Романовым в насыпях у Нового Быхова. В кургане № 1 постройка имела размеры около 2,84 x 6,39 м, в кургане № 2 около 4,97 x 4,26 м, в кургане № 4 около 6,39 x 4,97 м [14, с.6-9]. Следует заметить, что сооружение «домика мёртвых» требовало определённых трудозатрат и материальной обеспеченности, которые значительно превышали усилия и затраты при совершении труположения без постройки в кургане. Данное обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу определения погребённых в теремках как представителей верхней страты общества.

Также необходимо отметить, что сооружение деревянных внутрикурганых конструкций для восточных славян не является новшеством. В языческом погребальном обряде Райковецкой культуры (VIII - X вв.), трупосождения также в ряде случаев помещались в деревянные срубы или корыта. По мнению украинских археологов, данное обстоятельство может являться свидетельством погребения личности с особым статусом в обществе [7, с. 22].

Итак, анализ представленного материала позволил сделать следующие выводы:

В ходе летних раскопок 2014 года автором настоящей работы был исследован курган № 58 могильника у деревни Студёнка Быховского района. В насыпи обнаружен достаточно редкий погребальный обряд - ингумация в сидячем положении. Женщина была помещена в деревянную конструкцию - теремок, который был сожжён, а над ним возведена насыпь. Сопровождающий материал позволяет датировать погребение концом X - XI столетием.

Практика погребений в сидячем положении наиболее широко была распространена на севере Руси. Она связывается с выходцами из Скандинавии и представителями социальных верхов, подорожавших варягам. Традиция сооружения внутрикурганых деревянных конструкций была известна славянам в ещё VIII - X столетиях и, по мнению ряда учёных, могла отражать высокое социальное положение в обществе. Исходя из этого, автором данной статьи высказано в качестве рабочей версии предположение о возможном сочетании в погребальной обрядности сидячих захоронений

Могилевского Поднепровья как скандинавских традиций, так и собственно славянских. Основным скандинавским элементом, заимствованным из их обрядности, является сидячее положение костяка. В славянской среде такое положение сохраняется, однако привносится своя традиция - сооружение камеры происходит не в материковом слое, а на горизонте или подсыпке. В ряде случаев камеру подменяют теремки, сохраняющие те же размеры.

Отражением статуса умершего в местной среде может выступать сам погребальный обряд, чему на первый взгляд противоречит отсутствие «элитарных» находок. Таким образом, существует вероятность соотношения, погребённой в Студенке радимичанки, с представителями местной элиты общества.

Погребения в сидячем положении на территории Могилевского Поднепровья и Посожья достоверно зафиксированы в пяти могильниках. В пределах исследуемого региона все памятники расположены на правобережье Днепра, на территории расселения племён дреговичей и в одном случае, могильник Дымово, кривичей. Лишь в двух женских погребениях обнаружены этноопределяющие артефакты. дреговичская бусина в сидячем женском погребении у деревни Эсьмоны и радимичские рыбовидные подвески в исследованном мною погребении у деревни Студенка. Данное обстоятельство свидетельствует о проникновении представителей радимичского племенного союза до 20 км на правобережье Днепра, территорию, заселённую дреговичским племенным союзом. Такое проникновение могло произойти вследствие локального переселения или же по причине брачно-семейных процессов.

Литература и источники:

1. Войтехович, А. Курганные могильники в районе посёленческого комплекса на р. Менке / А.Войтехович, С.Дернович // Гістарычна-археалагічны зборнік. - Мінск, 2014. - Вып. 29. - С. 300 - 306.
2. Жарнов, Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове / Ю.Э. Жарнов // Смоленск и Гнездово. - М., 1991. - С. 200 - 225.
3. Заяц, Ю.А. Завершение восточно-европейской эпопеи припца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в. / Ю.А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. - Мінск, 2013. - Вып. 24. - С. 28 - 33.
4. Лесман, Ю.М. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений / Ю.М. Лесман // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М. - Петрозаводск, 1997. - С. 180 - 183.
5. Лесман, Ю.М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках / Ю.М. Лесман // КСИА. - М., 1981. - Вып. 164. - С. 52 - 58.
6. Лесман, Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры/ Ю.М. Лесман // *Stratum plus*. - Кишинёв, 2014. - № 5. - С. 43 - 93.
7. Михайлина, Л.П. Словяни VIII - X ст. між Дніпром і Карпатами (райковецька культура): автореф. дис. док. істор. наук: 07.00.04 / Л.П. Михайлина; ИА НАН України - Київ, 2008. - 31 с.
8. Михайлов, К.А. Детские погребения в некрополе первых древнерусских городов // К.А. Михайлов / Археологические вести. - СПб., 2010. - № 16. - С. 151 - 159.
9. Михайлов, К.А. Древнерусские элитарные погребения X - начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06 / К.А. Михайлов; ИИМКА РАН. - СПб., 2005. - 26 с.
10. Моця, А.П. Население Среднего Поднепровья IX - XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А.П. Моця. - Киев, 1987. - 168 с.
11. Мусин, А.Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья // А.Е. Мусин / Российский археологический ежегодник. - СПб., 2012. - №4. - С. 366 - 387.
12. Риер, Я.Г. Изучение курганов в Могилёвском Поднепровье / Я.Г. Риер // Советская Археология, 1976. - № 2. - С. 179 - 191.

13. Риер, Я.Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным: Монография / Я.Г. Риер. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. - 176 с.
14. Романов, Е.Р. Археологические разведки в Могилёвской губернии / Е.Р. Романов. - Вильна, 1912. - 31 с.
15. Тодорова, А.А. Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) / А.А. Тодорова // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/pub171/> – Дата доступа 24.11.2014.
16. Фурсов, М.В. Дневник курганных раскопок, проведённых по поручению летом 1892 года в 5 уездах губернии / М.В. Фурсов, С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилёвской губернии на 1893 год. - Могилёв. - С. XXV - LIII.
17. Щапова, Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода / Ю.Л. Щапова // Тр Новгородской археолог.экспедиции // МИА. - М., 1956. - Вып. 55. - С. 164 - 179.
18. Щапова, Ю.Л. Украшения из стекла / Ю.Л. Щапова // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. - М., 1997. - С. 89 - 93.